

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
7 August 2023
Russian
Original: English

Семьдесят восьмая сессия

Пункт 73 b) предварительной повестки дня*

Поощрение и защита прав человека: вопросы прав человека, включая альтернативные подходы в деле содействия эффективному осуществлению прав человека и основных свобод

Поощрение и защита права на свободу мнений и их свободное выражение**

Записка Генерального секретаря

Генеральный секретарь имеет честь препроводить Генеральной Ассамблее доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Айрин Хан, представленный в соответствии с резолюцией [43/4](#) Совета по правам человека.

---

* [A/78/150](#).

** Настоящий доклад был представлен после установленного срока, с тем чтобы включить в него самую последнюю информацию.

**Доклад Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение
Айрин Хан**

Резюме

В настоящем докладе Специальный докладчик по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение Айрин Хан рассматривает негативное воздействие гендерной дезинформации, в особенности на женщин и гендерно неконформных людей, и ее последствия для осуществления права на свободу мнений. Докладчик предпринимает попытку определить отличительные черты гендерной дезинформации, которая представляет собой не только стратегию, направленную на подавление свободного выражения мнений женщин и гендерно неконформных людей и угрозу для их безопасности и здоровья, но и возможную форму гендерного насилия в Интернете. Специальный докладчик исследует факторы, стимулирующие гендерную дезинформацию и возникновение ее негативных последствий, и выявляет подлежащие устранению существенные пробелы в знаниях и стратегии. Подчеркивая, что право женщин на безопасность не может реализовываться за счет их права на свободу выражения мнений, Специальный докладчик высказывается за принятие основанных на учете гендерных аспектов мер в ответ на угрозы в Интернете, в том числе устранение основных факторов, стимулирующих гендерную дезинформацию и гендерное насилие.

I. Введение

1. Цифровые технологии неоднозначны: они предоставляют ранее немыслимые возможности для самовыражения, участия в жизни общества и обмена информацией, но в то же время умножают риски и угрозы, связанные с активностью в Интернете. Гендерная дезинформация не является новым явлением, однако, подпитываемая новыми технологиями и социальными сетями, она стала более широко распространенной и превратилась в угрозу для женщин и гендерно неконформных лиц и средство их запугивания, нанесения им вреда и подавления их голосов. Ее негативные последствия отражаются далеко не только на тех, кто становится ее объектом, — они подрывают права человека, гендерное равенство, инклюзивную демократию и устойчивое развитие.

2. Несмотря на растущую озабоченность относительно непропорционального и пагубного воздействия гендерной дезинформации в Интернете, не существует единого мнения о том, что представляет собой это явление и как с ним лучше всего бороться. Недостаточно ясен и вопрос о том, как гендерная дезинформация способствует гендерному насилию в Интернете и каким образом ее подпитывают другие формы неравенства. Отсутствие согласованного определения и пробелы в знаниях подчеркивают сложный, спорный и принципиально политизированный характер данной проблемы.

3. Специальный докладчик считает, что чрезвычайно важно прояснить особый характер гендерной дезинформации, которая представляет собой как стратегию, направленную на подавление свободного выражения мнений женщин и гендерно неконформных лиц, так и, в определенных обстоятельствах, форму гендерного насилия в Интернете. Весьма важно понимать, какие факторы стимулируют ее распространение, кого и каким образом она затрагивает, а также кто за ней стоит и почему. Только сделав это, государства, компании и другие заинтересованные стороны смогут разработать эффективные стратегии борьбы с гендерной дезинформацией, соблюдая при этом право на свободу мнений и их свободное выражение и другие права человека.

4. Цифровое пространство должно стать безопасным для всех, однако принимаемые для этого меры не должны вести к ограничению свободы выражения мнений сверх того, что является допустимым, необходимым и соразмерным в соответствии с международным правом. Свобода мнений и их выражения является неперемным условием для расширения политических, социальных и экономических прав и возможностей женщин, сохранения демократии и содействия ориентированным на преобразования изменениям, необходимым для достижения гендерной справедливости.

5. За прошедший год Специальный докладчик выступила одним из организаторов серии региональных консультаций с организациями гражданского общества и пострадавшими с целью лучше понять жизненный опыт тех, кто изо дня в день в разном контексте и в разных странах мира сталкивается с атаками в Интернете¹. Она также провела встречи с рядом правительств и компаний, чтобы обсудить вопросы, вызывающие ее озабоченность.

---

¹ Специальный докладчик благодарит Ассоциацию за прогресс в области коммуникаций за совместную организацию региональных консультаций в Бангкоке, Аддис-Абебе и Бейруте для Азии, Африки и Ближнего Востока и Северной Африки соответственно и консультаций в режиме онлайн для Латинской Америки. Специальный докладчик также провела консультации с неправительственными организациями (НПО) в ходе сессии Совета по правам человека в июне 2023 года.

6. Основываясь на результатах консультаций и на своих докладах о дезинформации² и гендерной справедливости³, в настоящем докладе Специальный докладчик уделяет пристальное внимание гендерному измерению дезинформации в Интернете. Она определяет ключевые аспекты феномена гендерной дезинформации в Интернете и кратко анализирует ответные меры государств, компаний и гражданского общества, выявляя проблемы и примеры формирующейся переходной практики. Она дает ряд общих рекомендаций, признавая при этом необходимость дальнейших исследований и обсуждений.

7. Как и прежде, Специальный докладчик использует феминистский аналитический подход, учитывающий жизненные реалии и потребности женщин. Она также опирается на межсекторальный подход, отмечая при этом, что опыт людей различается в зависимости от их расы, этнической принадлежности, касты, религии, сексуальной ориентации, возраста, географического местоположения, социального, экономического и правового статуса и других факторов.

8. В контексте гендерной дезинформации необходимо учитывать как пол, так и гендер. Основное внимание в докладе уделено женщинам (там, где это применимо, этот термин включает также девочек), однако, когда это уместно, Специальный докладчик также упоминает лесбиянок, геев, бисексуальных, трансгендерных и неопределившихся людей (ЛГБТК+).

9. Специальный докладчик благодарна за то, что в ответ на призыв представить материалы она получила более 50 письменных материалов от правительств, компаний, организаций гражданского общества и экспертов⁴. В свете сложного и многогранного характера рассматриваемой темы настоящий доклад носит промежуточный характер и предназначен стать основой для проведения дальнейших консультаций с государствами, компаниями и гражданским обществом относительно содержащихся в нем рекомендаций и необходимых последующих шагов.

II. Определение рамок гендерной дезинформации

10. Гендерная дезинформация представляет собой стратегию, направленную на подавление голосов женщин и гендерно вариативных людей. В некоторых ситуациях она также является одной из форм гендерного насилия в Интернете. Двойственная природа этого явления в цифровую эпоху усложняет и делает проблематичным как определение проблемы, так и поиск решений.

11. В этом разделе настоящего доклада Специальный докладчик раскрывает особый характер гендерной дезинформации и связанные с ней проблемы контекста и делает обзор соответствующей международно-правовой базы.

A. Концепция

12. Гендерная дезинформация является гендерной, поскольку ее целями являются женщины и гендерно неконформные лица, поскольку совершаемые в ее рамках нападки и их воздействие обусловлено гендерными факторами и, что очень важно, поскольку гендерная дезинформация усиливает предрассудки,

---

² [A/HRC/47/25](#).

³ [A/76/258](#).

⁴ Все представленные материалы размещены по адресу: www.ohchr.org/en/special-procedures/sr-freedom-of-opinion-and-expression.

предубеждения и структурные и системные барьеры на пути к гендерному равенству и гендерной справедливости.

13. Гендерная дезинформация преследует сразу несколько целей: создание образа женщин как слабых, некомпетентных, сексуализированных объектов, неспособных быть лидерами; вытеснение женщин и гендерно неконформных лиц из публичного пространства и с руководящих должностей; и на подавление голосов лиц, не соответствующих гендерным нормам. При гендерной дезинформации нападки совершаются не только на отдельных людей, но и на коллективные проблемы их сообществ, с тем чтобы лишить феминизм и гендерные права легитимности⁵. Ее глобальной задачей является подрыв прав человека, гендерного равенства, устойчивого развития и демократического строя.

14. Как и все формы дезинформации, гендерная дезинформация направлена на распространение ложной или вводящей в заблуждение информации с целью нанести вред отдельным лицам и обществу в целом. Она сочетает в себе три определяющие характеристики сетевой дезинформации: ложность, злонамеренность и скоординированность⁶.

15. В отличие от других форм дезинформации, гендерная дезинформация заключается не только в распространении ложной информации, но и в закреплении существующих гендерных установок ради достижения социальных и политических целей, включающих сохранение статус-кво в вопросах гендера и создание более поляризованного электората⁷.

16. Информация подвергается манипулированию и муссируется с определенной степенью скоординированности, чтобы в очередной раз подтвердить гендерные стереотипы, усилить существующие предубеждения и предрассудки и укоренить широко известные негативные гендерные установки. Такая информация изобилует женоненавистническими и сексуализированными высказываниями и образами, а также может содержать явные или скрытые угрозы гендерного насилия. Часто применяются накладывающиеся друг на друга тактики запугивания, публичного осуждения и дискредитации, в особенности при попытках представить женщин непригодными к лидерству.

В. Контекст

17. В представленном в 2021 году докладе о свободе выражения мнений и гендерной справедливости Специальный докладчик обращает внимание на дискриминационные законы, стратегии, виды практики, социальные установки, культурные нормы и патриархальные ценности, которые служат для подавления и сдерживания выражения женщинами собственных мнений и наказания их за это. Поскольку все больше женщин и гендерно неконформных лиц используют цифровые пространства для обсуждений, полемики и привлечения единомышленников к проблемам, которые являются запретными в их домах и сообществах, доминирующие в реальном мире патриархальные и женоненавистнические нормы воспроизводятся и распространяются на виртуальных платформах⁸.

⁵ Материал представлен Ассоциацией за прогресс в области коммуникаций.

⁶ Wilson Center, *Malign Creativity: How Gender, Sex, and Lies are Weaponized Against Women Online* (Washington, D.C., Wilson Center, 2021).

⁷ Center for Democracy and Technology, *Facts and their Discontents: A Research Agenda for Online Disinformation, Race, and Gender* (Washington, D.C., Center for Democracy and Technology, 2021), p. 25.

⁸ A/76/258, pp. 12–15 и 18.

Гендерная дезинформация является одним из признаков этой токсичной, вредной среды.

18. Гендерная дезинформация процветает в условиях, характеризующихся подавлением гендерного равенства и свободы выражения женщинами своих мнений. Она все чаще проявляется не только в авторитарных государствах, но и в странах с формирующимся и устоявшимся демократическим строем как часть опасной тенденции отступления от прав человека и противодействия правам женщин⁹.

19. Поскольку основной целью гендерной дезинформации является формирование представлений о гендере и роли женщины в обществе, а также укрепление патриархальных и гетеронормативных институциональных и культурных структур, она в значительной степени зависит от контекста. Участники региональных консультаций, одним из организаторов которых стала Специальный докладчик, подчеркивали важность местной специфики для содержания гендерной дезинформации¹⁰.

20. В Южной Азии дезинформация по большей части возникает на стыке проблематики гендера, религии и касты. В Африке ярко выражена тема «защиты семьи». Женщин-политиков, журналисток и правозащитниц часто изображают как лиц, посягающих на семейные ценности. В Африке также задействуется тема антиколониализма, в контексте которой выступающие за права женщин активисты и защитники гендерных прав обвиняются в том, что они попали под влияние «западных ценностей». В Латинской Америке женщины и гендерно неконформные люди часто подвергаются нападкам за проповедование «опасной гендерной идеологии».

21. В Восточной Европе представители групп ЛГБТК+ отмечают связь между геополитикой и гендерной дезинформацией: к активистам часто приклеивают ярлыки предателей и шпионов Запада¹¹. В исследовании, посвященном дезинформации против ЛГБТК+ людей в Европейском союзе, были выявлены повторяющиеся мотивы, включая утверждения о том, что ЛГБТК+ лица представляют собой приверженцев западного «колониализма», «угрозу безопасности детей» и угрозу того, что половое воспитание пропагандирует неестественную сексуальность и неестественное гендерное самовыражение, а также призывы к защите прав «естественной» семьи и восстановлению предписанного богом «естественного» порядка¹².

С. Взаимосвязь с гендерным насилием и языком ненависти

22. Описать взаимосвязь между гендерной дезинформацией и гендерным насилием можно несколькими способами. С одной стороны, гендерная дезинформация рассматривается как подвид гендерного насилия в Интернете¹³. С другой стороны, она вытекает из того же гетеронормативного патриархального контекста, в котором люди подвергаются гендерному насилию в Интернете, и в

⁹ María Isabel Puerta Riera, “Democratic backsliding in the age of misinformation”, *Democracy Paradox*, 9 November 2022.

¹⁰ Материал представлен Ассоциацией за прогресс в области коммуникаций.

¹¹ Там же.

¹² Cecilia Strand and Jakob Svensson, “Disinformation campaigns about LGBTI+ people in the EU and foreign influence”, *European Parliament*, July 2021, p. 7.

¹³ Wilson Center, *Malign Creativity*, p. 3.

некоторых случаях гендерная дезинформация может накладываться на гендерное насилие в Интернете¹⁴.

23. Для того чтобы адресно противодействовать гендерной дезинформации, необходимо понимать выраженные различия и сходства между этими двумя явлениями. Насилие или угрозы насилия в Интернете часто являются элементом кампаний по гендерной дезинформации, и наоборот. Например, согласно данным исследования на тему глобальной распространенности насилия в отношении женщин в Интернете, в 67 процентах случаев насилие сопровождалось «распространением ложной информации и дезинформацией» (определяемыми как распространение слухов и клеветы с целью дискредитации или нанесения ущерба репутации женщины)¹⁵. С другой стороны, гендерное насилие представляет собой гораздо более широкое понятие, чем гендерная дезинформация. К примеру, в упомянутом выше исследовании в описание гендерного насилия были включены восемь признаков наносящего ущерб поведения в Интернете, одним из которых и была гендерная дезинформация.

24. Гендерная дезинформация также пересекается с таким явлением, как язык ненависти. Некоторые формы гендерной дезинформации пропагандируют подстрекательство к насилию, вражду и дискриминацию и могут быть приравнены к языку ненависти, однако язык ненависти может также основываться на высказываниях, которые являются подстрекательскими, но не ложными, и в таком случае не будет приравниваться к дезинформации.

25. Несмотря на то, что гендерная дезинформация, гендерное насилие и гендерно окрашенный язык ненависти представляют собой три накладывающихся друг на друга явления, между ними нет полного тождества (как показано на рисунке ниже). Речь идет не только о семантике, но и о последствиях для политики и практики.

Взаимосвязь между гендерной дезинформацией, гендерным насилием в Интернете и гендерно окрашенным языком ненависти

Источник: Специальный докладчик.

26. Во-первых, международные правовые стандарты, применимые к дезинформации, языку ненависти и гендерному насилию, различаются. Уточнение взаимосвязи между этими явлениями может способствовать не только

¹⁴ Center for Democracy and Technology, *Facts and their Discontents*, pp. 24 and 25.

¹⁵ The Economist Intelligence Unit, “Measuring the prevalence of online violence against women”, 1 March 2021.

разработке дифференцированных ответных мер, но и обеспечению соответствия этих мер применимым стандартам.

27. Во-вторых, признание как сходств, так и различий подчеркивает зависимость от контекста природу гендерной дезинформации и важность отказа от шаблонного подхода к решению этой проблемы.

28. Существует необходимость в исследовании гендерной дезинформации с большим учетом контекста. Организации, расположенные на глобальном Юге, указывают на значительные пробелы в данных, поступающих из стран с низким и средним уровнем дохода; даже в тех случаях, когда данные имеются, они не предоставляются в разбивке по полу или не отражают межсекторальные аспекты данной проблемы¹⁶.

D. Международные правовые рамки

29. Гендерная дезинформация негативно влияет на многие права человека, однако наиболее подвержены ее воздействию права, связанные с выражением мнений, гендерным равенством и защитой от насилия.

30. Право на свободное выражение своего мнения, закрепленное в пункте 2 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, защищает все виды информации и идей, независимо от истинности или ложности их содержания. В контексте гендерной дезинформации важно отметить, что международное право не позволяет запрещать высказывать мнения только на основании их ложности. Что ложно, а что нет — это спорный вопрос. Кроме того, высказывания часто включают мнения и точки зрения, не укладывающиеся в эти бинарные категории. Как показывает государственная практика, законы, запрещающие «ложные новости», якобы в качестве меры борьбы с дезинформацией, на деле используются для подавления критики, высказываемой в адрес правительства.

31. В соответствии с пунктом 3 статьи 19 Пакта свобода выражения мнения может быть ограничена только в том случае, если такие ограничения установлены законом, строго необходимы и соразмерны законной цели уважения прав и репутации других лиц и охраны государственной безопасности, общественного порядка и здоровья или нравственности населения. Таким образом, законы о диффамации могут служить средством правовой защиты от гендерной дезинформации, однако на практике гражданские иски (судебные разбирательства) сопряжены с трудностями как из-за того, что вред, причиненный ложной информацией, трудно доказать, так и из-за многочисленных барьеров, с которыми сталкиваются женщины при получении доступа к правосудию во многих странах. Уголовная ответственность за диффамацию является непропорциональным ответом и открывает дорогу для злоупотреблений, в том числе в отношении женщин¹⁷.

32. Международное право не упоминает «язык ненависти» как таковой, однако его нормы запрещают равноценное этому понятию «выступление в пользу национальной, расовой или религиозной ненависти, представляющее собой подстрекательство к дискриминации, вражде или насилию»¹⁸. Исходя из закрепленных

¹⁶ Neema Iyer, Bonnita Nyamwire and Sandra Nabulega, “Alternate realities, alternate Internets: African feminist research for a feminist Internet”, Association for Progressive Communications, August 2020, p. 8. См. также материал, представленный Фондом цифровых прав.

¹⁷ Специальный докладчик призвала к отмене уголовной ответственности за диффамацию. См. [A/HRC/47/25](#), п. 89.

¹⁸ Международный пакт о гражданских и политических правах, ст. 20, п. 2.

в международном праве принципов гендерного равенства и недискриминации, считается, что данный запрет распространяется также на ненависть по признаку пола и гендера. Запрещены те формы гендерной дискриминации, которые отвечают критериям, изложенным в данном положении.

33. Следует отметить, что руководящие принципы Организации Объединенных Наций, разработанные в ходе консультаций с экспертами в области права и одобренные Советом по правам человека, призывают применять это положение в узком смысле и с осторожностью, а также только в тех случаях, когда такое выступление сопряжено с реальной и непосредственной опасностью подстрекательства к насилию¹⁹. В отношении других форм выступлений в пользу ненависти должны применяться иные меры, от административных санкций до осуждения со стороны общественных деятелей, а также реализации программ на уровне общин и выработки стратегий, направленных на повышение осведомленности и поощрение толерантности и инклюзивности.

34. Запрет на сексуальное и гендерное насилие четко закреплен в международном праве и региональных документах по правам человека²⁰. На национальном уровне многие государства ввели уголовную ответственность за насилие в отношении женщин, а некоторые также приняли законы для запрета насилия в Интернете. Однако многие из этих законов уже подверглись критике за неэффективность. В отсутствие точных определений гендерного насилия и гендерной дезинформации в Интернете существует риск того, что такие законы будут применяться с чрезмерной строгостью и ограничивать свободу выражения мнений, не помогая при этом на деле решить проблему гендерной дезинформации.

III. Пострадавшие, ущерб, ответственные и векторы распространения

35. В этом разделе настоящего доклада Специальный докладчик определяет, кому наносится ущерб, кто его наносит, а также описывает широкий спектр видов ущерба, наносимого гендерной дезинформацией. В исследованиях на данную тему наблюдается тенденция обозначать нарушения прав человека и наносимое ущерб поведение, относящиеся к обоим явлениям, не проводя четкого различия между ними. Специальный докладчик признает этот недостаток и отмечает случаи, в которых имеются конкретные сведения о гендерной дезинформации.

A. Пострадавшие

36. По данным одного из глобальных опросов, доля пользователей Интернета, столкнувшихся с гендерным насилием, измеряемым на основе восьми показателей, включая показатель гендерной дезинформации, варьируется от 74 процентов в Европе до 88 процентов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 90 процентов в Африке, 91 процента в странах Латинской Америки и Карибского бассейна и 98 процентов на Ближнем Востоке²¹.

37. Исследования показывают, что чем более заметны женщины, тем выше вероятность того, что они подвергнутся нападкам в рамках целенаправленной

¹⁹ A/HRC/22/17/Add.4.

²⁰ A/HRC/38/47, пп. 24–33.

²¹ The Economist Intelligence Unit, “Measuring the prevalence of online violence against women”, 1 March 2021.

стратегии по запугиванию, подавлению и исключению их из участия в политической и общественной жизни²². В нескольких исследованиях отмечается вызывающий тревогу и несоразмерный уровень нападков на женщин-политиков²³, журналисток²⁴ и правозащитниц²⁵. По данным Межпарламентского союза, 45 процентов женщин-парламентариев в Африке и 58 процентов женщин-парламентариев в Европе подвергались нападкам в Интернете²⁶. В ходе опроса 1200 журналисток из разных стран мира 73 процента респонденток заявили, что в процессе работы сталкивались с той или иной формой насилия в Интернете²⁷.

38. Хотя исследования и дискуссии, особенно на Западе, как правило, до настоящего момента были сосредоточены на выдающихся женщинах и на женщинах, выполняющих ту или иную профессиональную роль, в публичном пространстве, неоспоримо, что гендерная дезинформация затрагивает гораздо более широкий круг женщин и гендерно неконформных людей по самым разным причинам, от политических до личных.

39. Нападки в Интернете, включая гендерную дезинформацию, являются частью повседневной действительности для многих молодых женщин и девочек в странах глобального Юга, использующих Интернет для общения и досуга²⁸. Большинство девочек и девушек сообщают, что впервые столкнулись с преследованием в социальных сетях в возрасте от 14 до 16 лет²⁹. Поскольку способности детей в таком возрасте еще находятся в процессе формирования, дети не всегда могут отличить достоверную информацию от недостоверной. В результате они не только могут сами страдать от дезинформации, но и непреднамеренно распространять ее среди своих сверстников³⁰.

40. Гендерная дезинформация использует существующие линии раскола и вызывающие напряженность вопросы в обществе (например, расизм, гомофобию и трансфобию) и бывает нацелена на один или несколько аспектов идентичности человека. В упомянутом выше опросе журналисток было отмечено, что с самым интенсивным уровнем насилия в Интернете и одновременно с самыми серьезными его последствиями сталкивались чернокожие журналистки, представительницы коренных народов, еврейки, арабки и гендерно вариативные журналистки³¹.

²² См. материалы, представленные Национальным демократическим институтом международных отношений.

²³ См., например, Lucina Di Meco and Kristina Wilfore, “White paper: Canadian women leaders’ digital defence initiative”; Kristina Van Sant, Rolf Fredheim and Gundars Bergmanis-Korāts, *Abuse of Power: Coordinated Online Harassment of Finnish Government Ministers* (Riga, NATO Strategic Communications Centre of Excellence, 2021); и Reuters, “Dutch Finance Minister Kaag to leave politics citing family concerns”, 13 July 2023.

²⁴ Julie Posetti and others, *The Chilling: Global Trends in Online Violence against Women Journalists* (United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization, Paris, 2021), p. 12.

²⁵ [A/HRC/40/60](#).

²⁶ [A/77/302](#).

²⁷ Posetti and others, *The Chilling*, p. 12.

²⁸ Digital Rights Foundation, “Gossip and rumour mongering: analysing casual disinformation from gendered lens” in *Policy Papers: Perspectives on Gendered Disinformation*, Shmyla Khan, ed. (Lahore, Digital Rights Foundation, 2021), pp. 53–66.

²⁹ United Nations Entity for Gender Equality and the Empowerment of Women (UN-Women), “Accelerating efforts to tackle online and technology facilitated violence against women and girls (VAWG)”, 2022, p. 5.

³⁰ United Nations Children’s Fund, “Digital misinformation/disinformation and children”, August 2021, p. 13.

³¹ Posetti and others, *The Chilling*, p. 12.

41. Гендерная дезинформация оказывает непропорционально сильное влияние на сообщества ЛГБТК+, закрепляя вредные стереотипы и усиливая маргинализацию этих сообществ³². В ходе недавно проведенного в 18 странах исследования было установлено, что процентная доля гендерно неконформных людей, сообщивших о том, что о них распространяют ложные сведения, была больше (29,3 процента) по сравнению с соответствующей долей гетеросексуальных людей (17,4 процента)³³.

42. Трансгендерные люди, особенно трансгендерные женщины, с некоторого времени стали мишенью кампаний по гендерной дезинформации, инициированных различными группами, в том числе исключаящими трансгендерных людей радикальными феминистками, и содержащих злонамеренные обвинения в том, что они наносят вред обществу или «распространяют педофилию»³⁴.

43. В ходе региональных консультаций, одним из организаторов которых стала Специальный докладчик, участники из Южной Азии подчеркивали взаимосвязь гендерных, кастовых и религиозных аспектов в кампаниях по дезинформации в их регионе³⁵. Например, в Пакистане кампания по дезинформации, главным элементом которой были обвинения в богохульстве в адрес участников марша «Аурат» («Марша женщин») ³⁶, поставила под угрозу жизнь многих из его организаторов³⁷. В 2022 году одна из фундаменталистских исламистских политических группировок страны выступила инициатором кампании по дезинформации, проходившей главным образом в социальных сетях и касавшейся Закона о защите прав трансгендеров 2018 года и конкретных активистов из числа трансгендеров³⁸. В Индии Рана Айюб, журналистка-мусульманка, критически освещавшая политику правительства и его действия в отношении мусульманского меньшинства, стала объектом нескольких ожесточенных и скоординированных кампаний по гендерной дезинформации³⁹.

44. Помимо расовой, этнической и религиозной принадлежности, объектом гендерной дезинформации могут быть и другие элементы, связанные с идентичностью. Например, в Колумбии против представительниц сообщества глухих направлены агрессивные изображения в формате обмена графическими данными (GIF) и видеоклипы на языке жестов⁴⁰.

V. Формы ущерба

45. Ущерб, наносимый гендерной дезинформацией, принимает разнообразные формы и имеет серьезные последствия как для отдельных людей, так и для общества в целом. На индивидуальном уровне люди, ставшие ее объектом, часто платят высокую цену в психологическом, физическом, социальном и

³² Материал представлен Международной ассоциацией лесбиянок, геев, бисексуалов, транссексуалов и интерсексов.

³³ Suzie Dunn, Tracy Vaillancourt and Heather Brittain, *Special Report: Supporting Safer Digital Spaces* (Waterloo, Canada, Centre for International Governance Innovation, 2023), p. 38.

³⁴ Digital Rights Foundation, *Policy Papers: Perspectives on Gendered Disinformation*, Shmyla Khan, ed. (Lahore, Digital Rights Foundation, 2021), p. 74.

³⁵ Материал представлен Ассоциацией за прогресс в области коммуникаций.

³⁶ Amel Ghani, "Misinformation on YouTube: use of misleading titles to promote hateful narrative against Aurat March in Pakistan", *Media Matters for Democracy*, July 2022.

³⁷ Sustaining Power: Women's Struggles against contemporary backlash in South Asia, "Online disinformation: a weapon to silence feminists", 11 October 2021.

³⁸ Материал представлен Фондом цифровых прав.

³⁹ См. сообщения №№ UA IND 1/2020 и UA IND 10/2018.

⁴⁰ National Democratic Institute for International Affairs, "Tweets that chill: analyzing online violence against women in politics", 2019, p. 22.

экономическом плане⁴¹. На уровне общества нападки по признаку идентичности в Интернете наносят урон гражданским свободам, уменьшают роль общественных дискуссий, ограничивают объем доступных знаний, необходимых для принятия информированных решений в сфере политики и избирательных прав, и наглядно показывают всем женщинам, что активизм и общественная служба — это непривлекательные и сопряженные с высоким риском занятия, которых следует избегать⁴².

46. Гендерная дезинформация не только распространяет ложь, но и использует адаптированные к местному контексту послания с высоким эмоциональным и ценностным зарядом, которые ориентированы на подрыв авторитета женщин и мнений об их компетентности и на их стигматизацию и изоляцию. Отмечены случаи использования гендерной риторики в отношении журналисток в виде их сексуализации и нападков на их личностные качества, порядочность, внешность и интеллект с целью дискредитировать их репортерскую деятельность и лишить их желаний продолжать работать⁴³. В консервативных обществах объектом нападков становится «честь» или репутация правозащитниц⁴⁴.

47. Скоординированная кампания по публичному осуждению может вести к тому, что члены семьи, коллеги и соседи отвернутся от человека, ставшего объектом нападков. В традиционных обществах, где женщины полагаются на защиту семьи и общины, это может поставить женщин в уязвимое положение. В ходе региональных консультаций со странами Ближнего Востока и Северной Африки участники подчеркивали этот аспект и ту роль, которую члены семьи мужского пола иногда играют в кампаниях по дезинформации и сопутствующем им насилии.

48. Гендерная дезинформация может вынудить женщин, занимающихся общественной деятельностью или журналистикой, покинуть сетевое пространство; она может также оказывать сдерживающий эффект на их свободу выражения мнений и на возможность продолжения ими своей профессиональной деятельности⁴⁵. В рамках исследования, посвященного отслеживанию участия политически активных женщин в социальной сети X (ранее известной как Twitter) до того, как они подверглись нападкам в Интернете, и после таких нападков, были получены убедительные доказательства того, что оскорбления в Интернете снижают готовность политически активных женщин продолжать высказывать свое мнение в социальных сетях⁴⁶. В цифровую эпоху это явление значительно ограничивает аудиторию, влияние и авторитетность общественных деятелей и журналистов.

49. По итогам недавнего исследования были получены эмпирические данные, согласно которым из участников, заявивших, что они сталкивались с одним из перечисленных в исследовании видов ущерба в Интернете, 21,7 процента сообщили, что такие формы ущерба оказали резко отрицательное влияние на их свободу выражения политических и личных взглядов. Если рассматривать лесбиянок, геев и бисексуалов как подгруппу, то в ходе исследования было установлено, что нанесение ущерба в Интернете в различных его формах крайне

⁴¹ Свидетельства, представленные в ходе региональных консультаций.

⁴² Sarah Sobieraj, *Credible Threat: Attacks against Women Online and the Future of Democracy*, Oxford Studies Digital Politics Series (New York, Oxford University Press, 2020).

⁴³ Материал представлен «Демос».

⁴⁴ A/HRC/40/60, п. 37.

⁴⁵ Amanda Lenhart and others, *Online Harassment, Digital Abuse, and Cyberstalking in America* (New York, Data & Society Research Institute, 2016); и Amnesty International, "Toxic Twitter — a toxic place for women".

⁴⁶ National Democratic Institute for International Affairs, "Tweets that chill", p. 21.

негативно влияет на их свободу выражать свои политические и личные взгляды (25,5 процента по сравнению с 19,5 процента среди гетеросексуалов)⁴⁷.

50. Еще один деструктивный аспект различных форм ущерба проявляется в том, что его воздействие часто не ограничивается отдельными лицами или группами, на которые он направлен непосредственно. К примеру, известно, что из-за гендерной дезинформации женщины теряют желание заниматься политикой, журналистикой или быть активистками⁴⁸. По данным одного исследования, она особенно пагубно сказывается на устремлениях молодых женщин и девочек: так, каждая четвертая девочка сомневалась в том, стоит ли ей высказывать свои взгляды, каждая пятая девочка перестала проявлять активный интерес к политике и текущим событиям, а 46 процентов девочек испытывали грусть, депрессию, стресс, беспокойство или тревогу в результате контакта с ложной информацией и дезинформацией в Интернете⁴⁹.

51. Появляется все больше доказательств того, что гендерное насилие в Интернете поощряет совершение насильственных действий в реальной жизни и создает в обществе «атмосферу угрозы»⁵⁰. Например, в ходе опроса, проведенного Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, 13 процентов респондентов и многие из опрошенных лиц заявили, что получали угрозы насилия в отношении близких им людей, включая детей и младенцев⁵¹. В ходе упомянутого выше глобального опроса Аналитического центра группы «Экономист» 92 процента женщин указали, что насилие в Интернете негативно отразилось на их ощущении благополучия, а каждая третья женщина сообщила, что у нее возникали сомнения насчет размещения в Интернете какого-либо контента⁵². Отмечены также случаи психологического стресса и психологических травм и долгосрочные последствия для психического здоровья. Гендерное насилие в Интернете часто предшествует насилию, совершаемому в отношении женщин и девочек в реальной жизни. Так, каждая пятая журналистка сообщила, что подвергалась оскорблениям и нападкам в реальной жизни в связи с сетевым насилием⁵³. В арабских государствах 44 процента женщин, затронутых насилием в Интернете за последний год, сообщили, что соответствующий инцидент перешел из виртуальной среды в реальную⁵⁴.

52. Распространение негативных установок в отношении женщин и ЛГБТК+ людей и их сообществ делает легитимным совершаемое с помощью технологий и физическое насилие над ними. Трансфобные и гомофобные идеи о том, что существуют лишь ограниченные гендерные и сексуальные роли, используются для оправдания насилия над лицами, не вписывающимися в эти дискриминационные нормы⁵⁵.

⁴⁷ Dunn, Vaillancourt and Brittain, *Special Report: Supporting Safer Digital Spaces*, p. 42.

⁴⁸ Lucina Di Meco, *#ShePersisted: Women, Politics, & Power in the New Media World* (2019), pp. 1–58.

⁴⁹ Plan International, “The truth gap: how misinformation and disinformation online affect the lives, learning and leadership of girls and young women”, 2021, p. 6.

⁵⁰ Jacqueline Hicks, “Global evidence on the prevalence and impact of online gender-based violence (OGBV)”, Institute of Development Studies, 8 October 2021.

⁵¹ Posetti and others, *The Chilling*, p. 21.

⁵² The Economist Intelligence Unit, *Measuring the prevalence of online violence against women*, 2020.

⁵³ Posetti and others, *The Chilling*, p. 12.

⁵⁴ UN-Women, “Accelerating efforts to tackle online and technology facilitated violence against women and girls”, p. 6.

⁵⁵ Dunn, Vaillancourt and Brittain, *Special Report: Supporting Safer Digital Spaces*, pp. 13 and 15.

53. В условиях конфликта границы между дезинформацией и насилием, а также между угрозами в Интернете и риском в реальной жизни могут быть трудно различимы, из-за чего женщины подвергаются большей опасности и воздерживаются от высказывания собственного мнения или участия в мирных процессах⁵⁶. Из-за страха перед репрессиями, которые могут повлечь за собой ложные обвинения, люди могут считать публичные выступления рискованными — это касается даже выступлений в Организации Объединенных Наций⁵⁷.

54. Гендерная дезинформация нарушает право женщин на здоровье, распространяя ложную и вводящую в заблуждение информацию о сексуальном и репродуктивном здоровье и правах в этой области. Например, в Ирландии во время подготовки к референдуму по вопросу об абортах распространялась ложная информация, связывающая абORTы с депрессией, раком и синдромом Дауна⁵⁸. В Италии в рамках кампании, проводимой группами противников абORTов, распространялись ложные сведения о том, что аборт является основной причиной фемцида во всем мире⁵⁹. Проведенное в Латинской Америке исследование показало, что среди кампаний по дезинформации тематически преобладают кампании, посвященные гендерному насилию и абORTам, ставящие под сомнение право женщин на телесную автономию, а также нацеленные на радикализацию мнений относительно осуществления этого права⁶⁰.

55. Несмотря на малое количество данных, конкретно касающихся экономического ущерба от гендерной дезинформации, по оценкам одного из исследований, экономический ущерб от гендерного насилия в Интернете для отдельных лиц и общества в странах — членах Европейского союза составляет от 49 до 89,3 млрд евро в год⁶¹. Величина этих цифр указывает на необходимость проведения более целенаправленных исследований для оценки конкретных издержек, связанных с гендерной дезинформацией.

C. Ответственные и векторы распространения

56. Анализ глубинных факторов распространения гендерного насилия в Интернете указывает на общую тему власти и контроля, а также гетеронормативных ожиданий применительно к гендерным ролям и сексуальной практике⁶². Те же самые факторы обуславливают и распространение гендерной дезинформации.

57. Негосударственные субъекты, руководствующиеся экстремистской идеологией, религиозными убеждениями или политическими, социальными и экономическими целями, играют значительную роль в организации скоординированных кампаний по гендерной дезинформации в Интернете. «Несмотря на то, что тролли, белые националисты, борцы за права мужчин, сторонники

⁵⁶ EU Disinfo Lab, “Gender-based disinformation: advancing our understanding and response”, 20 October 2021.

⁵⁷ Office of the United Nations High Commissioner for Human Rights (OHCHR), “Afghanistan: UN experts alarmed by media outlet’s spreading of disinformation”, 28 July 2023.

⁵⁸ Plan International, “The truth gap”, p. 11.

⁵⁹ Cooperativa.cl, “Italia: Polémica campaña dice que el aborto es la principal causa de femicidios”, 15 May 2018.

⁶⁰ Andrea Malquín-Robles and José Gamir-Ríos, “Disinformation and digital sexism. Feminism and its agenda as an object of hoaxes in Spanish”, *ICONO 14*, vol. 21, No. 1 (February 2023).

⁶¹ Niombo Lomba, Cecilia Navarra and Meenakshi Fernandes, *Combating Gender-Based Violence: Cyberviolence: European Added Value Assessment*, European Parliamentary Research Service Study (Brussels, European Parliament, 2021).

⁶² Hicks, “Global evidence on the prevalence and impact of online gender-based violence”, p. 2.

“Геймергейта”, движения “альт-райт” и теорий заговора могут значительно расходиться в убеждениях, они используют одинаковые тактические приемы и сходятся в том, что касается определения общих проблем»⁶³. Например, занимающаяся проверкой фактов организация «Чекеадо» (Chequeado) разоблачила сеть антиправовых групп, координирующих свою деятельность по распространению заведомо ложной информации относительно гендерных вопросов в Северной и Южной Америке, в том числе с помощью обмена сообщениями, направления финансовых средств, создания стратегических союзов между организациями, выдачи учебных стипендий и проведения международных мероприятий⁶⁴.

58. Кроме того, растет число сообщений о том, что в некоторых странах проводимые негосударственными субъектами кампании согласовываются со стратегиями и интересами государства, а также о спонсировании государствами кампаний по дезинформации на собственной территории и за ее пределами⁶⁵.

59. Платформы социальных сетей являются ключевым вектором, позволяющим дезинформации выходить на новый уровень в том, что касается масштаба, скорости и охвата. Цифровой контекст не только отражает мизогинию, с которой женщины сталкиваются в реальной жизни, но и предоставляет пространство и инструменты для того, чтобы противоречивые, эмоционально окрашенные и сенсационные материалы становились гораздо более заметными.

60. Проблема значительно усугубляется использованием алгоритмических рекомендательных систем. Неприязненно окрашенные установки привлекают к себе внимание в силу склонности людей замечать негативный контент, и они способствуют диспропорциональному увеличению вовлеченности пользователей на платформах. Управляемые алгоритмами новостные ленты создают автоматически генерируемые и в значительной степени индивидуализированные потоки неприязненно окрашенного материала, которые удерживают пользователей на платформе, монетизируют их участие и в конечном счете искажают всю глобальную информационную экосистему⁶⁶.

61. Скоординированность, и в особенности «скоординированное неаутентичное поведение», представляет собой все более важный показательный критерий кампаний по дезинформации⁶⁷. Риск нанесения ущерба в результате дезинформации в Интернете возникает главным образом в силу способности к координации и широкому распространению материалов, когда злоумышленники поощряют и поддерживают деятельность друг друга, образуя сложную экосистему⁶⁸. Хотя отдельные сообщения, размещаемые в отрыве друг от друга, могут показаться не такими уж проблематичными, при координации и взаимном подкреплении действий «виртуальная толпа» начинает операцию, которая со временем может привести к появлению серьезных угроз.

62. Помимо оппортунистического использования в качестве оружия таких факторов уязвимости, как системная дискриминация по гендерному, расовому и религиозному признакам, для расширения своего воздействия кампании по дезинформации также пользуются наличием так называемых «точек возгорания»,

⁶³ Alice Marwick and Rebecca Lewis, *Media Manipulation and Disinformation Online* (New York, Data & Society Research Institute, 2017), p. 1.

⁶⁴ Olivia Sohr, “Desinformación de género: cómo se articulan los grupos que difunden falsedades sobre el tema en América Latina”, Chequeado, 29 June 2023.

⁶⁵ См. разд. IV настоящего доклада.

⁶⁶ Danny Rogers, “Disinformation as adversarial narrative conflict”, Global Disinformation Index, 22 June 2022.

⁶⁷ Wilson Center, *Malign Creativity*, p. 7.

⁶⁸ Материал представлен Ассоциацией за прогресс в области коммуникаций.

например выборов, пандемий⁶⁹ и других заметных событий, которые широко освещаются в новостях.⁷⁰ В этих кампаниях все чаще используется «злонамеренная креативность» — закодированный язык, повторяющиеся, основанные на контексте визуальные и текстовые мемы и другие тактические приемы, которые усложняют выявление гендерной дезинформации⁷¹.

63. Известно, что традиционные средства массовой информации преднамеренно или непреднамеренно подкрепляют, тиражируют, делают легитимной и усиливают гендерную дезинформацию в Интернете⁷². Многие из них продолжают закреплять в своих новостных сводках и редакционных статьях гендерные стереотипы, которыми подпитываются антигендерные установки. Их неспособность учитывать гендерную проблематику в своих программах, обеспечивать равный доступ к профессиональным возможностям, поощрять гендерное разнообразие среди своих сотрудников и обеспечивать соблюдение их интересов и их безопасность ведут к поддержанию среды, в которой процветает гендерная дезинформация⁷³.

64. Недостаточное разнообразие среди сотрудников также представляет собой проблему в секторе цифровых технологий и является одним из факторов, способствующих «гендерной слепоте» в том, что касается его стратегий и создаваемых им продуктов.

IV. Функции, сферы ответственности и ответные меры: государства

65. Генеральная Ассамблея и Совет по правам человека подтвердили, что меры реагирования на дезинформацию должны основываться на нормах международного права прав человека⁷⁴. В соответствии с международным правом государства имеют обязательство уважать, защищать и осуществлять права человека, включая право на свободу мнений и их свободное выражение, а также право женщин на свободу от гендерного насилия в Интернете и в реальной жизни.

66. Действия государств принимают самые разнообразные формы, начиная от законов, стратегий и программ по борьбе с дезинформацией в Интернете и лежащим в ее основе гендерным неравенством и заканчивая вызывающей обеспокоенность практикой спонсирования государствами гендерной дезинформации.

A. Борьба с гендерной дезинформацией

67. В представленных материалах государства упоминают различные правовые меры по борьбе с гендерной дискриминацией и гендерным насилием в Интернете⁷⁵, законы и судебные решения, призванные защитить кандидаток на политические должности от насилия в Интернете и сексистских нападок в

⁶⁹ Maria Giovanna Sessa, “Misogyny and misinformation: an analysis of gendered disinformation tactics during the COVID-19 pandemic”, EU Disinfo Lab, 4 December 2020.

⁷⁰ National Democratic Institute for International Affairs, “Addressing online misogyny and gendered disinformation: a how-to guide”, 2021, p. 21.

⁷¹ Wilson Center, *Malign Creativity*, p. 1.

⁷² Digital Rights Foundation, *Perspectives on Gendered Disinformation*, p. 30. См. также ОНЧР, “Afghanistan: UN experts alarmed by media outlet’s spreading of disinformation”.

⁷³ A/76/258, пп. 43 и 44.

⁷⁴ Резолюция 76/227 Генеральной Ассамблеи и резолюция 49/21 Совета по правам человека.

⁷⁵ Материалы представлены Эквадором и Испанией.

средствах массовой информации⁷⁶, а также программы по противодействию сексистским стереотипам в средствах массовой информации⁷⁷.

68. В общем и целом государства приняли направленные на борьбу с гендерной дезинформацией законы трех типов: законы, касающиеся насилия в Интернете, законы, специально направленные на борьбу с дезинформацией, и подзаконные акты, касающиеся социальных сетей и направленные на борьбу с вредоносным контентом.

Законы, направленные на борьбу с насилием в Интернете

69. Как отмечалось ранее в настоящем докладе, некоторые формы гендерной дезинформации могут быть приравнены к гендерному насилию. Во все большем числе государств принимаются законы или вносятся изменения в действующее законодательство, с тем чтобы запретить насилие в Интернете или иметь возможность требовать от платформ социальных сетей удалять материалы, в которых присутствует насилие, однако гендерная дезинформация как таковая при этом не упоминается.

70. «Само по себе существование закона не обязательно ведет к изменениям»⁷⁸. Консультации с представителями гражданского общества показывают, что женщины по-прежнему сталкиваются с серьезными трудностями при попытках получить возмещение в связи с насилием в Интернете из-за неудовлетворительного законодательства, неэффективного применения законов и директивных документов, недостаточного понимания должностными лицами природы и последствий угроз в Интернете, а также отсутствия адекватной поддержки пострадавших⁷⁹. Необходимы значительные улучшения и инвестиции, например, в целях совершенствования законодательства, обучения сотрудников полиции, прокуроров, судей и социальных работников и доведения до их сведения руководящих принципов, а также принятия административных и социальных мер по поддержке и расширению прав и возможностей пострадавших и устранению коренных причин насилия в Интернете.

71. Европейский союз рассматривает возможность криминализации некоторых форм гендерного насилия в Интернете в рамках предложенной в марте 2022 года директивы по борьбе с насилием в отношении женщин и семейно-бытовым насилием⁸⁰. Данная директива установит минимальные уголовные нормы для установления факта совершения таких деяний, как киберпреследование, несанкционированное распространение интимных или подвергшихся манипуляции материалов и сетевое подстрекательство к насилию или разжиганию ненависти.

Законы, направленные на борьбу с дезинформацией

72. Поскольку риски и опасность, связанные с дезинформацией в Интернете, становятся все более очевидными, во многих государствах были приняты законы, запрещающие публикацию «ложных новостей» в Интернете⁸¹. Эти законы вызывают ряд опасений. Во-первых, они являются гендерно нейтральными и,

⁷⁶ Материал представлен Мексикой.

⁷⁷ Материал представлен Ливаном.

⁷⁸ Материал представлен «ИнтернетЛаб».

⁷⁹ A/76/258, п. 65.

⁸⁰ Европейский союз, Предложение о принятии директивы Европейского парламента и Совета о борьбе с насилием в отношении женщин и семейно-бытовым насилием, URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52022PC0105>.

⁸¹ A/HRC/47/25, пп. 52–55.

следовательно, не охватывают специфические проблемы гендерной дезинформации⁸². Во-вторых, эти законы часто включают расплывчатые и слишком широкие определения дезинформации, устанавливают непропорционально высокие уголовные санкции и предоставляют властям чрезмерную свободу действий в отношении принуждения сетевых платформ к удалению контента без судебного надзора. В своем большинстве эти законы не отвечают критериям обоснованного ограничения права на свободное выражение мнения, а именно: законности, необходимости, соразмерности и наличия законной цели, изложенным в пункте 3 статьи 19 Международного пакта о гражданских и политических правах.

73. Криминализация высказываний при помощи широких, нечетко сформулированных законов может привести к ограничению свободы выражения мнений. Данные законы, принятые для борьбы с дезинформацией, используются для привлечения к судебной ответственности и наказания тех, кто критикует правительство⁸³.

74. Активисты, борющиеся за права женщин, отмечают, что законы, криминализирующие высказывания, все чаще обращаются против женщин: например, криминализирующие богохульство законы были использованы для осуждения участников марша «Аурат» («Марша женщин») в Пакистане⁸⁴. В Индонезии жертвы сексуального насилия, рассказывающие о пережитом опыте в Интернете, подвергаются уголовному преследованию за злоумышленную диффамацию с целью дискредитировать их и заглушить их голоса⁸⁵. В ряде стран поведение женщин в социальных сетях наказывается по соображениям «общественной морали», тогда как в отношении гендерной дезинформации на сетевых платформах не предпринимается никаких мер⁸⁶.

Регулирование социальных сетей

75. Государства применяют разный подход к регулированию социальных сетей. Ряд государств напрямую вмешивается в работу платформ с целью вынудить их удалить материалы, считающиеся незаконными. Наказанием за невыполнение требований являются значительные штрафы или блокировка доступа к контенту⁸⁷.

76. Другие государства приняли законы, определяющие критерии и процедуры, в соответствии с которыми платформы обязаны удалять определенный контент под угрозой санкций. Законы, содержащие нечеткие определения, предусматривающие короткие сроки реагирования и устанавливающие значительные штрафы за их несоблюдение, создают риск того, что компании предпочтут соблюдать излишнюю осторожность и будут полагаться на автоматизированную модерацию контента с использованием искусственного интеллекта и проводить неоправданно масштабное удаление контента. Такое регулирование может отрицательно сказываться на свободе выражения мнений, но при этом не препятствовать гендерной дезинформации.

77. Системное регулирование, при котором применяется принцип «продуманная архитектура вместо удаления контента», позволяет принимать более

⁸² Материал представлен Международной комиссией юристов.

⁸³ [A/HRC/47/25](#), п. 52.

⁸⁴ Материал представлен Фондом цифровых прав.

⁸⁵ Материал представлен Международной комиссией юристов.

⁸⁶ [A/76/258](#), пп. 24 и 25.

⁸⁷ См., например, сообщения №№ OL IND 8/2021 и OL BGD 2/2023.

адекватные ответные меры и, по всей видимости, лучше соответствует стандартам, применяемым к свободе выражения мнений⁸⁸.

78. Европейский союз применил удачный подход, приняв Закон о цифровых услугах, согласно которому государство не регулирует контент, а вместо этого ожидает от компаний должной осмотрительности, оценок воздействия и прозрачности. Европейский союз требует, чтобы очень крупные Интернет-платформы и поисковые системы содержательно анализировали и снижали системные риски, связанные с устройством и функционированием их сервисов, путем проведения оценок рисков под надзором независимых аудиторов⁸⁹. В Законе о цифровых услугах содержится конкретная ссылка на ликвидацию угрозы гендерного насилия, а также неоднократно упоминается опасность, которую дезинформация создает для демократии и выборов⁹⁰. Этот закон вступил в силу совсем недавно, 16 ноября 2022 года.

79. Для крупнейших платформ социальных сетей Европейским союзом также разработан усиленный Кодекс по борьбе с дезинформацией.

В. Поощрение гендерного равенства

80. Государства обязаны активно устранять структурные и системные препятствия на пути к достижению гендерного равенства, включая патриархальные и гендерные стереотипы, а также негативные социальные нормы, представления, обычаи и модели поведения, являющиеся движущей силой гендерной дезинформации. Все правительства приняли на себя эти обязательства, а многие из них разработали национальные планы действий и программы для поощрения гендерного равенства и искоренения гендерной дискриминации и гендерных стереотипов. Вместе с тем повсеместность гендерной дезинформации и появление спонсируемой государствами и осуществляемой при их попустительстве дезинформации, направленной против женщин и гендерно неконформных лиц, свидетельствует о том, что государствам необходимо еще многое сделать для изменения культурных норм и установок в отношении женщин, девочек и гендерно неконформных лиц.

81. Особого внимания со стороны государств заслуживают два вопроса: неравный доступ женщин к Интернету и пробелы в гендерных данных. Государства ответственны не только за то, чтобы сделать Интернет безопасным для женщин, но и за то, чтобы обеспечить им надежный доступ к нему⁹¹.

82. Интернет предоставляет пространство для мобилизации и является важной площадкой, на которой люди могут самоорганизовываться исходя из своей заинтересованности в гендерных вопросах, в том числе для распространения материалов, созданных для противостояния гендерной дезинформации. Неравный доступ женщин к Интернету, отсутствие у них инструментов для обеспечения безопасности и более ограниченная осведомленность в вопросах кибербезопасности означают, что они более уязвимы перед лицом дезинформации и насилия,

⁸⁸ Материал представлен профессором Лорной Вудс.

⁸⁹ Европейский союз, Постановление 2022/2065 Европейского парламента и Совета от 19 октября 2022 года о едином рынке цифровых услуг и внесении изменений в Директиву 2000/31/ЕС (Закон о цифровых услугах). В обязанности поставщиков услуг входит проведение всесторонней оценки системных рисков для основных прав, связанных с оказанием услуг (ст. 34), разработка и реализация мер по смягчению последствий (ст. 35), а также прохождение независимых аудиторских проверок для оценки их усилий (ст. 37).

⁹⁰ Там же, ст. 34 и пп. 83 и 84 преамбулы.

⁹¹ [A/HRC/53/25](#), пп. 29–31.

совершаемого с использованием технологий, и одновременно имеют меньше ресурсов для реагирования на них. Такая ситуация создает значительный дисбаланс сил между теми, кто распространяет дискриминационные гендерно окрашенные установки, и теми, кто им противостоит.

83. Несмотря на то, что в 132 государствах были приняты законы о праве на информацию, доступ женщин к информации неравномерен; более того, во многих странах отсутствуют данные с разбивкой по полу, касающиеся ключевых вопросов⁹². Недостаток достоверной, поддающейся проверке информации по гендерной проблематике повышает риск появления дезинформации и распространения ложных сведений. Государства имеют прямое обязательство осуществлять право на информацию путем заблаговременного предоставления основанных на фактах и поддающихся проверке данных по вопросам, представляющим интерес для женщин, в том числе по вопросам сексуального и репродуктивного здоровья.

С. Спонсирование гендерной дезинформации

84. Распространение гендерной дезинформации, вне зависимости от того, координируется ли она непосредственно государственными субъектами или осуществляется негосударственными субъектами при явной или негласной поддержке государства, может быть весьма мощным орудием, поскольку государство обладает властью, ресурсами и контролем над средствами массовой информации, «фабриками троллей» и «сетями влияния»; государственные субъекты также могут оказывать давление на цифровые платформы, чтобы те не предпринимали действий против кампаний по дезинформации.

85. Государства используют широкий спектр стратегий и тактических приемов как в Интернете, так и в реальной жизни, в том числе организованные по их указке кампании на различных сетевых платформах, законодательство и политические меры, в целях ограничения распространения информации, касающейся гендерной тематики, или манипулирования ею. Подстрекательские, женоненавистнические заявления и негативно окрашенная гендерная риторика зачастую тиражируются высокопоставленными должностными лицами и политическими деятелями, что создает общую токсичную обстановку, в которой негосударственные субъекты чувствуют, что могут смело нападать на женщин и гендерно неконформных лиц. Специальный докладчик объединила усилия с мандатариями при региональных организациях для осуждения нетерпимых, усугубляющих разногласия, ложных и являющихся результатом манипуляции публичных заявлений политиков и государственных должностных лиц в адрес журналистов и правозащитников и призвала государства и политические партии разработать кодексы поведения в отношении публичных высказываний их должностных лиц и обеспечить их соблюдение⁹³.

86. На Филиппинах гендерная дезинформация против Марии Рессы, журналистки и лауреата Нобелевской премии, была инициирована в высших политических эшелонах государства и усилена сторонниками бывшего на тот момент у власти президента Дутерте⁹⁴. Нападкам со стороны государства могут также подвергаться частные лица и группы, находящиеся за их границами. Так, мишенями гендерной дезинформации и нападков в Интернете, исходящих из

⁹² A/76/258, п. 36.

⁹³ Совместная декларация «О политиках и государственных должностных лицах и свободе выражения мнения», 2021 г., URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/c/0/506377.pdf>.

⁹⁴ Сообщение № AL PHL 12/2018.

Исламской Республики Иран, стали журналисты и сотрудники Персидской службы Британской радиовещательной и телевизионной корпорации (Би-Би-Си) и другие журналисты из иранской диаспоры в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии⁹⁵.

87. В Бразилии после избрания Жаира Болсонару президентом в 2018 году антиправовые высказывания стали заметным и токсичным аспектом политической обстановки, отмеченной дискриминационными, подстрекательскими публичными заявлениями президента и других высокопоставленных должностных лиц, а также организованными по их указке кампаниями в социальных сетях, нацеленными на очернение журналистов, освещающих права на охрану сексуального и репродуктивного здоровья, феминисток и гендерно неконформных активистов, а в особенности людей с интерсекциональной идентичностью, при этом последствия для жертв нападков были весьма тяжелыми⁹⁶.

88. Стигматизирующие высказывания государственных должностных лиц в адрес ЛГБТК+ людей создают благоприятную среду для насилия в отношении представителей этого сообщества и занимающихся гендерными вопросами активистов, а также правозащитников, работающих над защитой прав этих групп⁹⁷, как это наблюдается в Венгрии⁹⁸ и Уганде⁹⁹.

89. В некоторых государствах порицается и ограничивается доступ к информации о сексуальных и репродуктивных правах и здоровье на том основании, что она якобы увековечивает «гендерную идеологию» и несет в себе угрозу культуре, религии, традиционным ценностям и родительским правам¹⁰⁰. Такое искажение фактов противоречит обязательствам государств по осуществлению права на получение информации и способствует формированию токсичной среды, в которой с легкостью распространяется сфабрикованная информация, апеллирующая к уже сложившимся гендерным стереотипам¹⁰¹. Введенные в Польше жесткие ограничения на доступ женщин к безопасному аборту сопровождалась подстрекательской риторикой и кампаниями по распространению неверной и заведомо ложной информации, которые поддерживали или к которым терпимо относились некоторые государственные должностные лица и политические и религиозные деятели¹⁰².

90. Препятствование доступу к достоверной, основанной на фактах информации о сексуальном и репродуктивном здоровье может иметь серьезные последствия для целого ряда прав человека, в том числе создавать угрозу для жизни и здоровья женщин и девочек¹⁰³. В Кении неправительственные организации (НПО) успешно оспорили правительственный запрет на предоставление подросткам и молодежи информации об абортах и учреждениях, предоставляющих

⁹⁵ Сообщение № AL IRN 10/2022.

⁹⁶ Horacio Sívori and Bruno Zilli, *Anti-Rights Discourse in Brazilian Social Media Digital Networks, Violence and Sex Politics* (Rio de Janeiro, Brazil, Latin American Center on Sexuality and Human Rights, 2022). См. также материал, представленный «ИнтернетЛаб».

⁹⁷ OHCHR, “Defenders of the human rights of LGBT persons constantly at risk, warn UN experts”, 24 March 2022.

⁹⁸ См. A/HRC/50/29/Add.1.

⁹⁹ См. сообщения №№ AL UGA 4/2022, AL UGA 3/2022 и AL UGA 5/2021.

¹⁰⁰ A/HRC/38/46, п. 14; A/72/155; и A/76/258, п. 37.

¹⁰¹ Материал представлен Центром за репродуктивные права.

¹⁰² OHCHR, “Poland: upholding full spectrum of rights key to ending violence against women and girls, says UN expert”, 9 March 2023.

¹⁰³ Сообщение № AL BRA 1/2023.

соответствующую помощь, на том основании, что он нарушал право на доступ к информации, право на свободу выражения мнений и право на здоровье¹⁰⁴.

V. Функции, сферы ответственности и ответные меры: компании и гражданское общество

A. Компании

91. Компании обязаны соблюдать все права человека, в том числе отстаивать гендерное равенство и уважать право на свободу мнений и их свободное выражение. В соответствии с Руководящими принципами предпринимательской деятельности в аспекте прав человека компании, управляющие социальными сетями, должны проявлять должную осмотрительность и проводить регулярную оценку своей продукции, операций и политики с точки зрения прав человека в целях выявления, предотвращения или смягчения фактического или потенциально неблагоприятного воздействия на права человека, а также обеспечивать возмещение ущерба.

92. Неясно, насколько платформы социальных сетей следуют данным рекомендациям. Бесспорны широкая распространенность гендерной дезинформации в Интернете и преобладающее среди женщин, гендерно неконформных людей, гражданского общества и большинства правительств впечатление, что компании не занимаются борьбой с таким контентом на своих платформах.

93. Основную озабоченность вызывают модерация контента, модели предпринимательской деятельности и недостаточная прозрачность платформ.

Модерация контента

94. Многие из крупнейших платформ, в том числе Facebook, X, YouTube, Instagram и TikTok, запрещают язык ненависти, преследования и пропаганду насилия и жестокости, удаляют оскорбительные материалы и блокируют доступ пользователей, неоднократно нарушивших пользовательские соглашения или правила сообщества. Вместе с тем для некоторых платформ минимальная модерация контента представляет собой предмет гордости. К примеру, Telegram характеризуют как платформу с «самым женоненавистническим и оскорбительным контентом и, по всей видимости, с самой либеральной модерацией контента и правилами пользования платформой»¹⁰⁵.

95. Платформы, в отношении которых действует политика борьбы с преследованиями, выявляют оскорбительные материалы, применяя параллельно такие методы, как автоматизированное активное обнаружение, контроль со стороны сотрудников-модераторов и пассивное обнаружение через жалобы, направляемые пользователями (эти жалобы затем рассматриваются автоматизированными системами или сотрудниками-модераторами). Платформы реагируют на дезинформацию, внедряя соответствующие стратегии, внося изменения в продукты, добавляя необходимые функции и принимая меры принуждения, что имеет целью ограничить распространение дезинформации, предоставить пользователям более широкий доступ к авторитетной информации или контексту, а также побудить сообщества к реагированию и содействовать устойчивости на уровне всего общества, в том числе посредством повышения уровня цифровой

¹⁰⁴ Материал представлен Центром за репродуктивные права.

¹⁰⁵ Материал представлен Институтом стратегического диалога.

грамотности и расширения доступа в Интернет¹⁰⁶. Они часто сотрудничают с внешними организациями для выявления «ложной» информации путем проверки фактов.

96. Более тщательный анализ стратегии и практики модерации контента позволяет выявить серьезные недостатки в том, что касается гендерной дезинформации¹⁰⁷. Среди них шаблонный подход, не позволяющий осознавать и учитывать специфические особенности гендерной дезинформации, обременительные процедуры направления жалоб, недостаточное знание контекста и местного языка, а также неравномерное применение стандартов сообщества.

97. Гендерная дезинформация часто остается незамеченной, поскольку модераторы контента на платформах не обладают достаточным знанием контекста и местных языков и осведомленностью о гендерных вопросах, которые необходимы для выявления порождающих дезинформацию гендерных установок. «Злонамеренная креативность», проявляющаяся в использовании различных средств передачи информации и распространении изображений с символическим значением, которые кажутся безобидными или бессмысленными в отрыве от контекста, может оказаться незаметной для систем автоматического обнаружения и фильтров¹⁰⁸. Такие используемые в борьбе с дезинформацией методы, как проверка достоверности отдельных сообщений, предоставление доступа к авторитетной информации, маркировка с помощью ярлыков и применение концепции «подталкивания», гораздо менее эффективны в отношении гендерной дезинформации, которая опирается на уже существующие и глубоко укоренившиеся предрассудки и социальные разногласия с целью породить доверие к ложной или подвергнувшейся манипулированию информации¹⁰⁹.

98. Механизмы подачи жалоб, которые были красноречиво названы «криком в пустоту»¹¹⁰ (если такие механизмы вообще существуют), являются обременительными, иногда неясными и часто заставляют пользователей относить свои жалобы к одной из заранее определенных категорий, которые не могут отразить комплексный характер совершенных злоупотреблений, особенно в тех случаях, когда гендерное насилие в Интернете сочетается с дезинформацией.

99. Большинство механизмов подачи жалоб действуют по принципу, согласно которому о факте злоупотребления должен сообщать его объект. Это не только травматично и неоправданно обременительно для людей¹¹¹, но и свидетельствует о фрагментарном подходе к проблеме, для решения которой требуется инициативное применение системных стратегий с целью устранить факторы риска и системные причины гендерной дезинформации. Скоординированная борьба с кампаниями по гендерной дезинформации не может проводиться по принципу «комментарий за комментарием»¹¹².

Модель предпринимательской деятельности

100. В основе проблемы распространения гендерной дезинформации лежит модель предпринимательской деятельности компаний, владеющих социальными

¹⁰⁶ Vera Zakem, Kip Waincott and Daniel Arnaudo, "Platform specific engagement for information integrity", Consortium for Elections and Political Process Strengthening, URL: <https://counteringdisinformation.org/topics/platforms/0-overview-platforms>.

¹⁰⁷ Wilson Center, *Malign Creativity*, p. 8.

¹⁰⁸ Там же.

¹⁰⁹ Материал представлен «Демос».

¹¹⁰ Viktorya Vilc and Kat Lo, "Shouting into the void: why reporting abuse to social media platforms is so hard and how to fix it", PEN America, 29 June 2023.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Материал представлен «Демос».

сетями¹¹³. «Экономика внимания», курирование содержания, автоматизированная реклама и усиление гендерной дезинформации тесно связаны между собой.

101. Дезинформация, в том числе гендерная дезинформация, — это прибыльный бизнес. Крупные посредники получают свой основной доход от покупки, продажи и размещения рекламы¹¹⁴. Платформы монетизируют внимание пользователей с помощью адресной рекламы, используя сложные статистические модели для прогнозирования интереса и привлечения максимального внимания к контенту. Чем больше времени человек проводит, просматривая содержимое экрана и нажимая на кнопки, тем больше данных могут собрать компании и тем больше рекламы они могут продать.

102. Курирование содержания основывается на анализе индивидуальных особенностей и микротаргетинге отдельных лиц, конечной целью чего является реализация задач платформ в области рекламных услуг. Адресная реклама позволяет настроить алгоритмы таким образом, чтобы они помогали привлекать внимание и вовлекали пользователя во взаимодействие с сайтом. Практика привлечения внимания влияет на то, чему отдается приоритетное место в новостной и рекламной лентах пользователей, а также на то, какие рекомендации они получают¹¹⁵.

103. Рекомендательные системы, как правило, продвигают провокационный, привлекающий внимание контент, который, как показывают исследования, легче воспринимается пользователями с точки зрения когнитивных усилий и эмоционального резонанса¹¹⁶. Платформы способствуют популяризации подстрекательской, противоречивой и вызывающей разногласия информации, поскольку такая информация идеально соответствует коммерческой и технологической инфраструктуре их рекомендательных систем, оптимизированных с целью побуждать активность пользователей.

104. Способность платформ напрямую собирать и анализировать данные индивидуальных пользователей является одним из основных компонентов модели экономики внимания (это касается не только платформ социальных сетей, но и поисковых систем и функций поиска на других платформах). Это явление подрывает право на неприкосновенность частной жизни и право на защиту персональных данных.

105. Политика «рекламных технологий», недостаточная защита права на неприкосновенность частной жизни и неудовлетворительное обеспечение защиты данных способствуют монетизации дезинформационных материалов, которые поддерживают и распространяют враждебно окрашенные установки, направленные против маргинализированных и подверженных риску групп¹¹⁷. Меры по борьбе с гендерной дезинформацией вряд ли окажутся эффективными без

¹¹³ Ранее Специальный докладчик уже высказывала аналогичные опасения по поводу дезинформации. См. [A/HRC/47/25](#).

¹¹⁴ Consumer Council of Norway, “Time to ban surveillance-based advertising: the case against commercial surveillance online”, June 2021, URL: <https://storage02.forbrukerradet.no/media/2021/06/20210622-final-report-time-to-ban-surveillance-based-advertising.pdf>, p. 21.

¹¹⁵ Tech Transparency Project, “Facebook profits from white supremacist groups”, 10 August 2022.

¹¹⁶ Carlos Carrasco-Farré, “The fingerprints of misinformation: how deceptive content differs from reliable sources in terms of cognitive effort and appeal to emotions”, *Humanities and Social Sciences Communications*, vol. 9, No. 162 (2022).

¹¹⁷ Global Disinformation Index, “Ad-funded disinformation: misogyny: narratives, affected brands and ad tech companies”, January 2023, URL: www.disinformationindex.org/disinfo-ads/2023-01-04-how-is-ad-tech-funding-misogynistic-disinformation/.

исправления этих аспектов модели предпринимательской деятельности и обеспечения надежной защиты частной жизни и данных.

Прозрачность

106. Сетевые платформы, в частности социальные сети, должны сделать свою деятельность более прозрачной, чтобы предоставить исследователям и активистам возможность лучше понять масштабы, динамику и характер дезинформации.

107. Прозрачность в отношении функционирования рекомендательных систем и использования алгоритмов может способствовать привлечению платформ к ответственности и более широкому применению основанной на фактах политики. Прозрачность в вопросах рекламы имеет решающее значение. Учитывая уровень детализации, доступный рекламодателям для того, чтобы формировать свою целевую аудиторию, компании должны предоставлять гораздо больше информации о том, почему пользователи видят ту или иную рекламу, а также о предпринимаемых ими мерах по соблюдению условий оказания услуг в отношении рекламы, содержащей дезинформационные материалы.

В. Гражданское общество: ответные меры, принимаемые на уровне сообществ

108. На уровне сообществ отмечается появление различных инициатив, нацеленных на расширение возможностей лиц, затронутых гендерной дезинформацией, и на оказание им поддержки.

Контрречь

109. Успешной стратегией реагирования оказалась так называемая контрречь, которая предполагает оспаривание или высмеивание стереотипов и норм, обличение языка ненависти и предание огласке случаев гендерной дезинформации¹¹⁸. Упор в ней делается на субъектность тех, на кого нацелены нападки, и на солидарности с ними других членов сообщества. Например, когда ряд групп, связанных с нацеленной на преследование кампанией «Геймергейт», совершал нападки на активисток и феминисток, выступавших за защиту прав в Интернете и поддерживавших кампанию «Вернем позиции в технологиях!» (Take Back the Tech!), и размещал ложные утверждения об Ассоциации за прогресс в области коммуникаций, участвовавшие в кампании организации и лица и их союзники объединили усилия, чтобы вернуть себе инициативу в формировании отношения к событиям, устроив «твит-шторм». Кроме того, Ассоциация за прогресс в области коммуникаций опубликовала заявление, в котором опровергла ложные утверждения о своей работе¹¹⁹.

Поддержка пострадавших

110. В Интернете создаются сообщества, оказывающие поддержку и помощь людям, ставшим или потенциально способным стать объектами нападков, при помощи контрречи, наблюдения за цифровым пространством, в котором совершаются нападки, и содействия при передаче информации об инцидентах¹²⁰.

¹¹⁸ Countering Disinformation, “Understanding the gender dimensions of disinformation”, 2021, pp. 20 and 21, URL: <https://counteringdisinformation.org/topics/gender/4-promising-approaches-gender-sensitive-counter-disinformation-programming>.

¹¹⁹ Association for Progressive Communications, “Facts on #TakeBacktheTech”, 28 April 2023.

¹²⁰ Countering Disinformation, “Understanding the gender dimensions of disinformation”, sect. 4.

Например, базирующаяся в Соединенных Штатах Америки сеть «Охотники за троллями» (TrollBusters)¹²¹ оказывает поддержку журналисткам, а организация «Её Интернет» (HER Internet)¹²² в Уганде активно налаживает партнерства и создает сети союзников в качестве систем поддержки для смягчения воздействия лживой риторики и противодействия ей.

111. Активизируется также поддержка со стороны национальных и международных организаций. Например, в Индонезии для демонстрации солидарности с сообществами ЛГБТК+ и сдерживания нападок на них была мобилизована поддержка со стороны правозащитных организаций и даны «гарантии безопасности» со стороны национальной комиссии по правам человека¹²³. Когда Нигхат Дад, адвокат из Пакистана, специализирующаяся на защите прав человека, столкнулась с запугиванием в Интернете, Пакистанский совет адвокатов выступил с публичным заявлением в ее поддержку, выразив «серьезную озабоченность в связи с кампанией очернения» и «намеренным созданием рабочей обстановки, враждебной для коллег-женщин»¹²⁴. На международном уровне мандатарии специальных процедур продолжают выступать с решительными публичными заявлениями, осуждая нападки на журналисток, правозащитниц и активисток, занимающихся гендерной проблематикой. Другим важным тактическим приемом является оповещение международных средств массовой информации, поскольку это один из самых быстрых способов, побуждающих платформы к обеспечению защиты или принятию мер в отношении кампаний по дезинформации¹²⁵.

Мониторинг социальных сетей

112. Исследователи, специалисты-практики и представители гражданского общества участвуют в мониторинге социальных сетей, чтобы получать представление о гендерной дезинформации, выявлять точки доступа для пресечения гендерной дезинформации и иметь возможность выступать за разработку законов, подзаконных актов и стратегий, направленных на решение все более масштабных проблем¹²⁶. Систематический мониторинг социальных сетей также используется для разработки систем раннего оповещения¹²⁷.

Повышение информированности, цифровая грамотность, медиаграмотность и наращивание потенциала

113. В число прочих мер, активно принимаемых организациями гражданского общества, входят повышение информированности, цифровой грамотности и медиаграмотности и наращивание потенциала¹²⁸. Организуются масштабные

¹²¹ www.troll-busters.com.

¹²² www.herinternet.org/.

¹²³ Raiz Rizqy and Yulia Dwi Andriyanti, “We rise, we heal, we resist”, GenderIT.org, 22 March 2022.

¹²⁴ IAPL Monitoring Committee on Attacks on Lawyers, “Pakistan: Pakistan Bar Council and NGOs condemn smear campaign against advocate Nighat Dad”, 21 December 2020.

¹²⁵ EU Disinfo Lab, “Gender-based disinformation”.

¹²⁶ Countering Disinformation, “Understanding the gender dimensions of disinformation”.

¹²⁷ MediaFutures, “Disinformation Early Warning Data Tool (DEWARD)”, URL: <https://mediafutures.eu/projects/disinformation-early-warning-data-tool-deward/> и International Center for Journalists, “Online Violence Early Warning System”, URL: www.icfj.org/our-work/online-violence-early-warning-system.

¹²⁸ См., например, Foundation for Media Alternatives, “Marian Hukom”, URL: <https://fma.ph/marian-hukom/>; Loyce Kyogabirwe, “Pushing back against gendered disinformation in Uganda”, Collaboration on International ICT Policy for East and Southern Africa, 6 February 2023; и South Asia Check, “Panos media monitoring initiative looks at trends in gendered online violence”, 9 June 2022.

кампании по повышению информированности общественности о проблеме насилия в отношении женщин, участвующих в выборах¹²⁹. Проводится обучение, разработаны методические пособия по целому ряду тем, от защиты и безопасности в цифровой среде до контрречи¹³⁰.

114. Кроме того, проводятся учебные мероприятия и вырабатываются рекомендации, ориентированные конкретно на журналистов и средства массовой информации ввиду их двойной роли объектов и одновременно векторов распространения гендерной дезинформации. Так, в Ливане в рамках реализации Национальной стратегии в интересах женщин на 2022–2030 годы Национальная комиссия по делам ливанских женщин совместно со средствами массовой информации инициировала проведение информационно-просветительских кампаний, семинаров и исследований, направленных на борьбу с гендерными стереотипами в прессе и рекламе¹³¹.

VI. Выводы и рекомендации

115. Гендерная дезинформация зиждется на гендерных предубеждениях, стереотипах, сексизме, мизогинии и основанных на патриархальных ценностях социальных и культурных нормах и позволяет использовать их в качестве оружия, с тем чтобы угрожать женщинам и гендерно неконформным людям, запугивать их, заставлять их молчать и не допускать их появления в публичном пространстве и на руководящих должностях. Наиболее яростным нападениям в рамках гендерной дезинформации подвергаются представители меньшинств и маргинализированных сообществ. Она препятствует свободному выражению мнений и реализации потенциала людей.

116. Конечной целью гендерной дезинформации является подавление участия общественности и разнообразия мнений и взглядов, в том числе в средствах массовой информации, ослабление демократических институтов и разрушение инклюзивных обществ. В силу этого гендерная дезинформация представляется крайне опасным феноменом, а согласованные действия по борьбе с ней — насущно необходимыми.

117. Гендерная дезинформация — это проблема, связанная с правами человека, и стратегии борьбы с ней должны прочно опираться на права человека, в частности на право на свободное выражение мнений. Стратегии, подрывающие свободу выражения мнений во имя борьбы с гендерной дезинформацией, контрпродуктивны. Поскольку цель гендерной дезинформации состоит в лишении женщин влияния и веры в себя, приоритет должен отдаваться расширению их прав и возможностей в противоположность цензуре и отставанию их субъектности в противоположность патерналистским подходам. Право женщин на безопасность не может реализовываться за счет их права на свободу выражения мнений.

118. Компаниям необходимо отказаться от шаблонного подхода, при котором для борьбы с гендерной дезинформацией применяются те же методы, что и для борьбы с другими формами дезинформации и гендерного насилия. Гендерная дезинформация неотделима от контекста и имеет собственные

¹²⁹ National Democratic Institute for International Affairs, “#NotTheCost: stopping violence against women in politics” и International Foundation for Electoral Systems, “Kenyans say, ‘We are #BetterThanThis,’ aiming to support women’s participation in elections”, 19 July 2017.

¹³⁰ См. примеры в материале, представленном Ассоциацией за прогресс в области коммуникаций. См. также материал, представленный «Медиа мониторинг Африка».

¹³¹ Материал представлен Ливаном.

особенности и цели. Платформам необходимо лучше понимать гендерную дезинформацию и не ограничиваться модерацией контента, основанной на проверке материалов с целью определения их истинности или ложности. Им необходимо выявлять конкретные факторы, которые повышают риск появления гендерной дезинформации в различных контекстах, и принимать меры по устранению таких факторов.

119. Исследования показывают, что гендерная дезинформация эволюционирует и адаптируется к различным контекстам и ответным действиям. В связи с этим от государств и компаний требуется проявлять инициативу в применении превентивных стратегий.

120. Государства должны аналогичным образом адаптировать свои ответные действия. Регулирование социальных сетей должно быть «умным», то есть ориентированным не на контент, а скорее на обеспечение проявления компаниями должной осмотрительности, проведения ими оценок воздействия и соблюдения ими принципов прозрачности и подотчетности, а также на предъявление к компаниям требований по пересмотру применяемых ими технических решений, структур, систем и стратегий для борьбы с угрозами.

121. Государства должны активизировать свои усилия по устранению структурных и системных барьеров, препятствующих достижению гендерного равенства и подкрепляющих дискриминацию, отчуждение, предрассудки и стереотипы, на которых основываются кампании по гендерной дезинформации.

122. Государственные должностные лица и политические лидеры несут особую ответственность за то, чтобы задавать тон инклюзивному общественному диалогу. Они играют ключевую роль в формировании общественных мнений и содержания общественных дискуссий и пользуются значительной свободой политического самовыражения в соответствии с международным правом. Им следует использовать данную привилегию ответственно и этично, с тем чтобы поощрять толерантность, а не разжигать ненависть.

123. Хотя закон играет важную роль в борьбе с дискриминацией и в ситуациях, когда гендерная дезинформация переходит в гендерное насилие или пропаганду подстрекательства к насилию, правовые меры, особенно нормы уголовного права, имеют свои ограничения в качестве эффективного инструмента борьбы с ложными установками и укоренившимися предубеждениями и предрассудками, лежащими в основе кампаний по гендерной дезинформации.

124. Борьба с гендерной дезинформацией при одновременном обеспечении соблюдения прав человека требует тщательного уравнивания интересов. Ее нельзя ни оставлять исключительно на усмотрение компаний, ни рассматривать только как вопрос, требующий регулирования со стороны государств. Право, особенно уголовное право, в руках некоторых государств может быть грубым и опасным оружием. Это обстоятельство подчеркивает важность принятия глобальных стандартов и применения многосторонних подходов, которые способствовали бы активному участию гражданского общества и его взаимодействию с государствами и компаниями. Переговоры по Глобальному цифровому договору станут оптимальной возможностью для привлечения всех заинтересованных сторон и достижения консенсуса в отношении стандартов и подходов, которые позволят сделать Интернет доступным и безопасным для всех.

A. Рекомендации для государств

125. Государствам следует прилагать более активные усилия и принимать все надлежащие меры, в том числе на уровне законодательства, социальных стратегий и программ, для укрепления гендерного равенства и ликвидации гендерных стереотипов, негативных социальных норм и дискриминационных законов, стратегий, видов практики и установок.

126. Государствам не следует делать, поддерживать, поощрять или распространять заявления, которые, как им известно или объективно должно быть известно, являются ложными, и им также никоим образом не следует способствовать распространению гендерной дезинформации.

127. Любые меры по ограничению гендерной дезинформации, языка ненависти и гендерного насилия в Интернете должны полностью соответствовать международным стандартам в области прав человека и, в частности, обеспечивать соблюдение требований пункта 3 статьи 19 и пункта 2 статьи 20 Международного пакта о гражданских и политических правах в их строгой и узкой трактовке.

128. Государствам следует уважать защиту, которой в соответствии с международным правом пользуются гендерное, сексуальное и культурное самовыражение и информация, и не следует пытаться ограничивать выражение женщинами своих мнений под предлогом защиты общественной морали.

129. Уголовное право должно применяться только в исключительных и наиболее вопиющих случаях подстрекательства к насилию, ненависти или дискриминации. Действующие уголовные законы о диффамации следует отменить и при необходимости заменить соответствующими гражданскими законами о диффамации.

130. Государственное регулирование социальных сетей должно быть сосредоточено на обеспечении прозрачности, соблюдении прав пользователей на надлежащую правовую процедуру, проявлении компаниями должной осмотрительности в отношении прав человека и гендерных вопросов, а также на обеспечении того, чтобы независимость и полномочия регулирующих органов были четко определены, гарантированы и ограничены законом.

131. Государствам следует обеспечивать свободу средств массовой информации и поощрять разнообразие, гарантируя безопасность журналисток и гендерно неконформных журналистов.

132. Государствам следует принимать действенные законы о защите данных и другие соответствующие законы с целью ограничивать повсеместное отслеживание пользователей и их активности в Интернете и размещение адресной рекламы. Защита данных играет ключевую роль в переориентации основанной на рекламе модели предпринимательской деятельности в цифровой экономике, которая способствует распространению гендерной дезинформации и гендерного насилия в Интернете.

133. Медиаграмотность, информационная грамотность и цифровая грамотность позволяют женщинам и ЛГБТК+ людям более широко пользоваться преимуществами цифровых технологий, а также повышают их устойчивость к дезинформации, распространению ложных сведений и насилию в Интернете. Эти формы грамотности должны учитываться в национальных школьных учебных программах и национальных планах развития.

134. Государствам следует выполнять свою обязанность по осуществлению права на информацию, упреждительно предоставляя точные, проверяемые и дезагрегированные по признаку пола данные и информацию, касающиеся сексуального и репродуктивного здоровья и права на него.

135. Государствам следует активизировать усилия по обеспечению женщинам реального, свободного, открытого, функционального, надежного и безопасного доступа в Интернет в соответствии с обязательствами, принятыми в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 года.

В. Рекомендации для компаний, владеющих социальными сетями

136. Компаниям следует пересмотреть свои модели предпринимательской деятельности и обеспечить, чтобы их деловые операции и практика сбора и обработки данных соответствовали международным стандартам в области прав человека. Им следует неизменно проявлять должную осмотрительность в отношении соблюдения прав человека и обеспечения гендерного равенства и регулярно проводить анализ воздействия своих продуктов, в частности роли своих алгоритмов и систем ранжирования в активизации дезинформации.

137. Компаниям следует пересмотреть свой подход к рекламной деятельности для обеспечения того, чтобы она не оказывала негативного воздействия на разнообразие мнений и идей, а также обеспечения того, чтобы компании четко понимали критерии размещения адресной рекламы. Им следует публиковать содержательную информацию о рекламодателях в доступных онлайн базах данных о рекламе и предоставлять пользователям возможность отказаться от просмотра рекламы.

138. Компаниям следует предоставлять ясную и содержательную информацию о параметрах своих алгоритмов и рекомендательных систем и обеспечивать, чтобы эти системы по умолчанию давали пользователям возможность узнавать разнообразные точки зрения, а также позволяли выбирать переменные, определяющие порядок их пользования Интернетом.

139. Компаниям следует разработать четкую политику модерации контента применительно к гендерной дезинформации, соответствующую международным стандартам в области прав человека, в полной мере обеспечивая прозрачность и создавая условия для участия заинтересованных сторон. Такая политика должна быть доступна, написана без использования технического жаргона и опубликована на местных языках, а ее соблюдение должно последовательно обеспечиваться.

140. При модерации контента компаниям следует руководствоваться международными стандартами в области прав человека. Для успешной борьбы с гендерно окрашенным вредоносным контентом модерация контента должна осуществляться с учетом местного контекста и языкового разнообразия.

141. Компаниям следует обеспечивать легко доступные и разработанные с учетом травматического опыта пользователей средства подачи жалоб, которыми смогут пользоваться люди с различным уровнем технической грамотности и которые позволяют интерпретировать злоупотребления в Интернете с учетом местных особенностей. Для более эффективного выявления случаев гендерной дезинформации, получения сообщений о таких

случаях и активизации действий для борьбы с гендерной дезинформацией платформ следует разрабатывать механизмы координации на страновом уровне с привлечением общественных организаций, а также упредительные превентивные стратегии.

142. Компаниям следует публиковать полные, детальные и увязанные с контекстом отчеты по вопросу о прозрачности, включающие подробную информацию о действиях, предпринятых в отношении контента, связанного с гендерной дезинформацией, и реакциях на эти действия, включая количество репостов, просмотров, жалоб, запросов на удаление информации и их охват.

143. Компаниям следует создавать внутренние механизмы обжалования в отношении более широкого спектра решений о модерации контента и разных типов контента, в том числе «скоординированного неаутентичного поведения». Им также следует рассмотреть возможность создания внешних механизмов контроля, например советов по социальным сетям.

144. Компаниям следует обеспечивать безопасность и конфиденциальность данных, а также гарантировать, чтобы при использовании данных соблюдались нормы международного права в области прав человека и соответствующие национальные законы и обеспечивалось полное и осознанное согласие поставщиков данных.

С. Рекомендации для других сторон

145. Работодателям, включая средства массовой информации, политические партии, исследовательские институты и другие организации, ведущие деятельность в сферах, подверженных воздействию гендерной дезинформации, следует внедрять надлежащие стратегии и процедуры для выявления и поддержки сотрудников, ставших объектами гендерной дезинформации или подверженных риску стать таковыми.

146. Академическим кругам и гражданскому обществу следует продолжать расширять свои исследования, взаимодействовать с заинтересованными сторонами и разрабатывать стратегические рекомендации в отношении гендерной дезинформации, гендерного насилия в Интернете и женоненавистнических высказываний.

147. Гендерная дезинформация затрагивает целый ряд сообществ, включая лиц, занимающихся вопросами борьбы с гендерным насилием и обеспечения безопасности журналистов, правозащитниц и людей, работающих с представителями гендерных и сексуальных меньшинств. Необходимо налаживать сотрудничество, с тем чтобы обеспечить этим сторонам достаточный доступ к данным платформ для целей документирования и оценки рисков.